

22.09.2016, 16:30 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Светлана Сидоркина: «Успех — это когда дали не так много, как могли бы»

Адвокат Международной правозащитной группы «Агора» Светлана Сидоркина участвовала во многих делах, которые принято считать политическими. Она представляла и продолжает представлять интересы обвиняемых по «Болотному делу».

Среди других ее подзащитных — несправедливо обвиненные антифашисты, люди, которых преследуют и лишают свободы за высказывания в интернете. Редакция *ОВД-Инфо* поговорила со Светланой Сидоркиной об особенностях нынешних политических делах, о порядках в колониях и о том, как,

по ее мнению, должен вести себя юрист в сложившейся ситуации.

YouTube Video: [ru-KOlgXx8k](https://www.youtube.com/watch?v=ru-KOlgXx8k)

Расскажите, пожалуйста, о делах, которые вы сейчас ведете?

— Самое «живое» для меня дело — это дело **Димы Бученкова**, анархиста, который задержан по обвинению по ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 212, это известное «Болотное дело». Диму обвиняют в том, чего он не совершал. Ему приписывают действия человека, который проходит по данному уголовному делу как **«человек в черном»**. Дима у меня третий подзащитный по «Болотному делу». Бученков не был на Болотной площади. 6 мая 2012 года он был в Нижнем Новгороде у своих родителей. У нас есть алиби, но следствие упорно не принимает наши доказательства, хотя сейчас в рамках моего ходатайства проводится проверка. Тем не менее, девять полицейских уверенно его опознают как человека, который был на Болотной площади и совершал действия «человека в черном». Для меня это дело важное и принципиальное.

На мой взгляд, если нам общими усилиями удастся доказать, что Дима невиновен, то налицо будет абсурдность обвинения, предъявленного всем в рамках «Болотного дела», и того, что использует следствие для доказательства виновности.

Я понимаю, какие чувства испытывает Дима, будучи человеком очень честным и принципиальным, когда ему в глаза говорят, что он делал то, чего он не делал. Когда он просит пояснить, по каким признакам его опознали, следствие все эти вопросы отклоняет как не имеющие отношения к делу.

Можно ли рационально объяснить, почему следствие так себя ведет, почему упорствует?

— Я думаю, что для них это дело принципа — доказать собственную правоту. Следователь Добарин на все мои доводы о том, что Димы там не было, и на документы, которые я представила, говорит, что у него нет сомнений в том, что Дима был на Болотной площади 6 мая 2012 года. Вот такая твердая уверенность, которая мне кажется абсурдной. Сам Дима считает, что его преследуют за убеждения.

На чем следствие основывает свою уверенность, кроме показаний полицейских? Есть какие-то результаты экспертиз?

— Показания полицейских процессуально оформлены в двух видах: в форме опознания с участием статистов и путем проведения очных ставок. Как при проведении опознания, так и при проведении очных ставок следователь, как я уже сказала, отклонял все наши с Димой вопросы о том, по каким признакам они идентифицируют его как «человека в черном».

В чем состоит алиби?

— Он был у своих родителей. Даже на самом первом допросе с участием государственного защитника Дима сразу же заявил, что не был на Болотной площади, а был у родителей. Родственники — отец, брат и сестра — подтвердили, что 6 мая 2012 года он был в Нижнем Новгороде. Более того — в рамках мероприятий, которые мы проводили в поисках доказательства его алиби, мы нашли дневник его сестры, где есть запись о том, что 5–6 мая 2012 года Дима был в Нижнем Новгороде. Эти доказательства как кость в горле у следователей, которые не хотят их принимать: мол, родственники в этой ситуации Диму выгораживают, поскольку являются заинтересованными лицами. Доказательства, которые мы представляем, они считают только косвенными доказательствами. Показания сотрудников полиции для них более убедительны.

Есть ли данные о местонахождении его мобильного телефона?

— И я, и следствие делали запросы по этому поводу. Я заявила ходатайство об истребовании биллингов телефонных соединений. Я дважды делала запрос в «Вымпелком», но мне не ответили, хотя недавно принят закон, согласно которому на адвокатский запрос обязаны отвечать. В устной форме следствие мне пояснило, что сведения о биллингах телефонных соединений хранятся три года, а поскольку три года истекло, то сведений о биллингах нет.

Дима направлялся в Нижний Новгород на своем автомобиле. Я заявила также ходатайство об истребовании сведений о привлечении к административной ответственности — он мог превысить скорость при движении по федеральной трассе. Из ГИБДД пришел ответ, что никаких документов, подтверждающих, что в указанный период в мае 2012 года при движении

в Нижний Новгород и обратно он привлекался к административной ответственности нет. Это же подтвердили и сотрудники Следственного комитета, которые делали аналогичный запрос.

Ведь уже проведена экспертиза, результаты которой показали, что «человек в черном» и Бученков — разные люди?

— Да, это было самое первое, что мы сделали. Когда в отношении Димы принимали решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, они руководствовались двумя очными ставками и двумя опознаниями, которые были проведены при задержании, и кроме этого у них была экспертиза, которую проводил Институт криминалистики ФСБ, комплексная экспертиза всего видеоряда, который есть в рамках данного уголовного дела. Поскольку это уже третий мой подзащитный (по «Болотному делу» — *ОВД-Инфо*), я эту экспертизу уже видела. Там говорится, что не было никакого монтажа, что это достоверный оригинальный источник, который не подвергался каким-либо изменениям. Но в дополнение к этому была еще и портретная экспертиза, которую проводили в этом же экспертном учреждении. Особенность ее заключается в том — и я это подчеркивала, заявляя ходатайство, — что для сравнения и идентификации Димы с «человеком в черном» была взята фотография из паспортного стола, когда Дима в 25 лет менял паспорт, то есть фотография десятилетней давности, потому что 6 мая 2012 года Диме было 35 лет. И была взята фотография только в одном ракурсе, в фас. Эксперт, который делал для нас заключение в рамках портретной экспертизы в Петербурге, написал в заключении, что для того, чтобы идентифицировать человека по внешности, необходимы разные ракурсы, то есть фас, профиль, и под разными углами, чтобы можно было по различным параметрам идентифицировать. Этому специалисту мы предоставили

Димины фотографии, которые собрали за 2012 год, в тех ракурсах, которые были необходимы для идентификации «человеком в черном». В заключении он со стопроцентной уверенностью указал, что это два разных человека, то есть у него по этому поводу сомнений вообще никаких нет. В рамках следствия я, ссылаясь на это портретное заключение, заявила ходатайство, чтобы они провели экспертизу. Следствие ходатайство о проведении повторной портретной экспертизы отклонило, но я так поняла, что они все-таки собираются проводить какую-то экспертизу, поскольку эксперт, делавший нам заключение, сказал, что при проведении портретной экспертизы Института криминалистики ФСБ имело место очень грубое нарушение порядка и методики проведения портретных экспертиз.

В таком виде экспертизы не проводятся вообще.

В рамках «Болотного дела» задержан еще **Максим Панфилов**, последний из числа «болотников», следствие собирается объединить их в одно производство, эпизоды Бученкова и Панфилова рассматривать в рамках одного дела, выделенного из «материнского Болотного», и нас знакомят с теми процессуальными документами, которые составляют в отношении Панфилова. Нам предоставили портретную экспертизу Панфилова, которую проводило то же учреждение, Институт криминалистики ФСБ, — там были все ракурсы, около восьми ракурсов для идентификации личности Панфилова.

Напомните, пожалуйста, кого еще вы защищали по «Болотному делу»?

— Самый первый мой подзащитный был **Андрей Барабанов**, который был задержан вторым из «болотников», он уже освобожден, отбыв срок

до конца. Второй — **Леша Гаскаров**, тоже анархист и антифашист, он сейчас находится в Тульской области, в колонии № 6 в Новомосковске.

Вы сказали, что Бученков считает, что его преследуют за убеждения. А вы сами склонны оценивать дела, которые ведете, как политические?

— Я уверена, что Алексей Гаскаров и Дима Бученков оказались под пристальным вниманием прежде всего Центра по противодействию экстремизму, поскольку занимали активную гражданскую позицию. Леша Гаскаров был задержан спустя год после произошедших событий, а Дима Бученков — спустя четыре года (фактически три с половиной — *ОВД-Инфо*). Дима говорит, что до того, как его задержали, он год или полтора был под пристальным вниманием Центра по противодействию экстремизму. Он имел возможность наблюдать за собой наружку и присутствие на всех публичных мероприятиях, где он был, сотрудников Центра «Э» — активисты уже многих сотрудников Центра «Э» знают в лицо. Интерес к Диме был. Поскольку Дима является анархистом по убеждениям и это его специализация в рамках научной деятельности, думаю, его научный подход к анархистскому движению в России вызывал опасения сотрудников, которые контролируют активистов. Я этим объясняю интерес к Диме. В рамках уголовного дела у Димы проводились обыски в местах, где он жил. Вся литература была изъята, и на последних следственных действиях нас познакомили с четырьмя комплексными лингвистическими экспертизами этой литературы. Я по первому образованию историк, эта литература очень интересная, жалко, если она пропадет. Предметом его исследования были уникальные документы — например, боевые листки российских маоистов 1996–1999 годов. Они во всей литературе, в том числе в его научных работах, искали признаки разжигания ненависти к какой-либо социальной группе, призывы экстремистской направленности.

Но по проведенным экспертизам они ничего не нашли. Ему вся эта литература, все эти листовки были нужны для научной деятельности. Сейчас такого, наверно, уже не найти. Оказывается, столько раньше было политических движений, партий. Представлены разные поколения, очень много интересных моментов. Жалко будет, если это все уничтожат.

Мы писали протест, что следствие злоупотребляет своими правами, поскольку все мероприятия вроде как должны проводиться в рамках той квалификации, которая человеку вменяется. Дима считает, что они искали что-то, что можно было бы еще добавить к тому, что есть.

Если, допустим, не будет доказана виновность в рамках «Болотного дела», то можно будет перейти на квалификацию по какой-то другой статье.

Он говорит, что не собирается отказываться от своих убеждений, что анархизм — лучшее, что есть на сегодняшний день.

YouTube Video: eYL5QhG4YHO

Многие ли из дел, которые вы вели и ведете, вы склонны считать политическими?

— Я работаю адвокатом с 2002 года. В Москву я приехала пять лет назад, до этого работала в регионе, сотрудничаю с «Агорой» (Международная правозащитная группа «Агора» — *ОВД-Инфо*) с их рождения, можно сказать, с 2003 года, когда они только появились. Я жила в соседней (с Татарстаном — *ОВД-Инфо*) республике Марий Эл и с ними была знакома именно в силу территориальной близости и благодаря ряду дел, которые в 2003–2006 годах были интересны «Агоре», они ими занимались и меня привлекали к ним. В 2006 году я участвовала в защите марийского жреца Виталия Танакова, когда он привлекался за свою книжку «Жрец говорит» в защиту марийской религии, которую он «превозносил перед всеми другими мировыми религиями». Эту его брошюру, возможно, никто не прочитал бы, если бы в республике не возбудили уголовное дело, и брошюра не стала бы предметом интереса и в России, и за рубежом.

Сочли, что он возбуждает ненависть к другим религиям?

— Изначально обвинение складывалось именно таким образом. По сути дела, его нужно было оправдывать, а поскольку оправдывать у нас не привыкли, особенно по таким делам, в конечном итоге ему дали 120 часов обязательных работ, и в приговоре было сказано, что в его брошюре имелось возбуждение ненависти к социальной группе «марийская интеллигенция», хотя экспертизы были околорелигиозные, затрагивавшие только эти вопросы. С тех пор ситуация изменилась. Если раньше, в 2005–2006 году, привлекали лиц, которые имеют активную гражданскую позицию, убеждения, по 282-й статье, то постепенно, из года в год, ситуация все более и более ухудшалась.

Параллельно с 282-й в 2005–2007 годах привлекали по 213-й статье УК. Первые нацболы, из основной волны, многие из которых сидели, получили сроки именно по «хулиганке».

Потом появилась статья 280 — публичные призывы к экстремизму, потом дело Сенцова и Кольченко, 205-я, терроризм, потом дело Светланы Давыдовой — госизмена и шпионаж. И после каждого знакового процесса появлялись статьи: после дела Pussy Riot появилась статья об оскорблении чувств верующих, после присоединения Крыма к России появилась статья о призывах к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. И после того, как у нас стал очень популярен интернет, социальные сети, стали привлекать активно к уголовной ответственности за репосты — сейчас уже можно говорить о тысячах дел. Особенно на волне событий вокруг конфликта между Россией и Украиной, то есть любой репост, который касается отношения к присоединению Крыма к России или отношения к Украине, может быть предметом и основанием для возбуждения уголовного дела. То есть идет политика ужесточения и привлечения за инакомыслие и наличие убеждений, и я это расцениваю именно как политическое давление на наше население: преследование любого высказывания.

Еще в связи с административным делом **Яна Кателевского** я для себя сделала такой вывод. У нас по сути запрещены одиночные пикеты: официально они не запрещены, но **Владимир Ионов** и **Ильдар Дадин** были привлечены по результатам задержаний на одиночных пикетах и нескольких административок к уголовной ответственности. И теперь наш народ уходит с улиц в интернет, то есть теперь свои взгляды, убеждения люди выкладывают в определенных группах. Административные дела в отношении Яна Кателевского, на мой взгляд, яркий пример. Сообщества, которые поддерживают такого рода видеоролики, публикации, сейчас очень популярны

в интернете. И власти это понимают, и сейчас ведется разговор о том, чтобы ужесточить контроль над интернетом, над социальными сетями. Я этим и объясняю то, что появилось большое число дел за репосты. Чтобы показать, что любое инакомыслие может быть предметом преследования. Поэтому я считаю эти дела политизированными.

А есть ли у таких дел процессуальные особенности? Например, можно ли сказать, что в них бывает больше нарушений, чем в других делах, суд больше склонен соглашаться с обвинением?

— В деле [Андрея Бубеева](#) из Твери я свою линию строила именно на процессуальных нарушениях. Мы не проводили статистического исследования по этому поводу, но я думаю, что в регионах скорее всего это очень распространено. Когда я вступила в дело Бубеева, я обнаружила очень серьезные процессуальные нарушения, которые наши московские эфэсбешники никогда себе не позволили бы.

Дело было возбуждено на основании рапорта оперативного сотрудника, и в рамках уголовного дела оперативная информация, которую представляет оперативный сотрудник, является источником доказательства.

Оперативный сотрудник объясняет, что, являясь пользователем соцсети «ВКонтакте», заинтересовался личностью Бубеева, поскольку он был активным пользователем. Были запрошены сведения из соцсети «ВКонтакте» об адресе и контактах конкретного лица с никнеймом «Андрей Бубеев». Социальная сеть эти сведения предоставила, они открыли его страницу и путем осмотра составили акт, где обнаружили тексты, которые

стали предметом и основанием для возбуждения уголовного дела. Поскольку Борис Стомахин неистребим и его тексты продолжают гулять по интернету и могут служить поводом для возбуждения уголовного дела, я ставку на проведение экспертиз не делала. Оперативный сотрудник предоставил следователю акт осмотра, предоставил понятых, которые при этом присутствовали, взял пояснения, сделал заключения в отношении текстов, которые вменяли Бубееву, — репост статьи Бориса Стомахина «Крым — это Украина!» и репост картинки «Выдави из себя Россию!» с комментариями к этой картинке. Эти две публикации были предметом исследования оперативного сотрудника и заключения специалиста. Сотрудник это следователю передал, а следователь в рамках закона должен был облечь это в форму доказательства в рамках уголовного дела, то есть, получив материал, он должен был его перепроверить. А перепроверить он должен был двумя способами: составить протокол осмотра интернет-страницы и подтвердить, что оперативный сотрудник ему предоставил сведения с интернет-страницы с никнеймом «Андрей Бубеев», а затем на CD-диск перенести всю информацию и скриншоты, которые имеются на этой интернет-странице. Это сделано не было.

Следователь должен был вынести постановление о признании вещественными доказательствами текста Бориса Стомахина «Крым — это Украина» и картинки с комментарием к ней, в том числе текстов, приложенных в качестве скриншотов. Такие процессуальные документы составлены не были.

Я участвовала в защите того же Бориса Стомахина, дело которого рассматривалось в Московском окружном военном суде и было в производстве УФСБ Москвы. УФСБ Москвы все процессуальные моменты соблюдало. Почему в Твери этого не было? Я предполагаю, у них сложилась накатанная практика. Человека привлекают к уголовной

ответственности, уговаривают рассмотреть дело в особом порядке, а в особом порядке доказательства не исследуются, не перепроверяются. Скорее всего, на это рассчитывалось, не предполагали, что будут исследовать доказательства.

Бубеева вообще обманули. На нем два уголовных дела. К моменту, когда я стала защищать Бубеева, его уже осудили за хранение патронов, которые обнаружили у него во время обыска, и по 282-й статье за информацию, которая находилась на той же интернет-странице.

По первому делу его уговорили: ты вину признай, рассмотрим дело в особом порядке, и ты получишь условный срок. В итоге он получил год колонии-поселения, но весь этот срок он отбыл в тюремных условиях, поскольку в «Титанике», в СИЗО № 1 города Твери, он находился в спецблоке. В спецблоке сидят 27 зеков, которые, как считается, не признают режим. Эти лица — под особым контролем. Спецблок не показывают даже при проведении проверок СИЗО. Они сидят там совершенно уединенно.

YouTube Video: [fchewMYBMOE](#)

Вы упомянули Бориса Стомахина. Интересны ваши впечатления от его дела, а также то, как Стомахин

воспринимает происходящее с ним.

— Высказывания его очень резкие, люди относятся к нему по-разному, я тоже не принимаю некоторых вещей, которые он говорит, но стиль изложения у него, конечно, очень грамотный, литературный. Не все журналисты так могут писать, как он.

Борис Стомахин считает, что его преследуют за слова и убеждения, и что это возмутительно. Я ему всегда говорила: в русском языке так много слов, неужели нельзя найти слова, чтобы так выразить свои мысли, чтобы тебя не привлекали к уголовной ответственности? Но он — такой...

Дела, о которых вы говорили, — о свободе слова, свободе выражения своего мнения. Получается, соответствующие статьи Уголовного кодекса антиконституционны?

— Мне близка позиция адвоката Елены Лукьяновой, которая говорит, что Конституция не выполняет на сегодняшний день тех функций, которые возложены на нее как на документ, основополагающий для жизни всех граждан нашей страны. Законы, которые принимаются, с нею не соотносятся. Если бы законы принимались в соответствии с ней, такого бы не было. Некоторые статьи Уголовного кодекса сейчас противоречат праву на свободу убеждений, свободу слова, свободу выражения мнений — правам, регламентированным Конституцией. Все преследуемые, которых мы обсуждаем, говорят об этом, и я считаю, что они правы.

Часто приходится обращаться в Конституционный суд, чтобы привести законы в соответствие с Конституцией. Но там мы тоже не получаем желаемого результата. Я считаю, что неправильно, когда закон принимается, а потом граждане должны доказывать право на соблюдение конституционных норм и обращаться

в Конституционный суд, чтобы привести закон в соответствие с Конституцией.

Что происходит в головах следователей, ведущих дела против, например, Стомахина или Бубеева? Следователи считают, что они таким образом защищают Россию? Или просто делают себе карьеру?

— Когда я начинала работать, я тоже такой вопрос себе задавала. Почему следователь таким образом трактует очевидные всем вещи?

Исходя из своего опыта работы, я пришла к выводу, что это люди, следующие своим убеждениям. Они искренне верят, что защищают интересы государства.

Они не просто имеют цель получать новые звания, строить свою карьеру. Эта составляющая тоже есть, но я все-таки пришла к выводу, что эти люди имеют свои убеждения и твердо следуют им.

Подвергается ли Стомахин давлению в колонии?

— Я дважды ездила в Пермь в колонию по просьбе его мамы. У мамы он — единственный сын, она за него беспокоится. Он человек непримиримый, и так ведет себя и в колонии, и администрация колонии это не поддерживает.

YouTube Video: [CTwCu5kHP3U](#)

В колониях сейчас прессуют всех, кто идет по политическим делам?

— Я для себя сделала такой вывод — после первого «Болотного дела» я начала ездить по колониям. Ездила по «Болотному делу», делу **Леши Сутуги**. Если ты осужден по 282-й статье, по 280-й, либо, по данным Центра «Э», являешься активистом, представляющим опасность, ты можешь подвергаться определенному прессингу.

Ситуация с Алексеем Сутугой была совсем абсурдная. Когда по просьбе его мамы я поехала к Леше в колонию, выяснилось вот что. Как правило, любое движение заключенного, этапирование в другую колонию сопровождается малявой. В отношении Сутуги пришла двойная малява: во-первых, сообщили, что идет авторитет, важняк — непонятно какой, — а во-вторых, сотрудникам колонии пришла информация, что идет лидер непонятого антифашистского движения и нужно принимать меры особого контроля. Алексею Сутуге нужно отдать должное — он претерпел очень серьезный прессинг.

Сначала он находился в иркутском СИЗО — оно считается одним из самых жестких СИЗО в Сибири. Он находился в пресс-хате, выдержал психологическое и физическое давление со стороны уголовников. Потом, когда его перевели в общую хату, он объявил голодовку и требовал,

чтобы его отправили в колонию. После трех дней голодовки они поняли, что его не сломать, и отправили в колонию, но в колонии устроили провокацию. Он был отправлен один-единственный с шестью конвоирами, и когда он прибыл в колонию, его сразу окружили и стали досматривать всю его одежду. Хотя при отбытии на этап полностью была осмотрена машина, в которой его везли, его вещи, он раздевался догола, все сумки. Но в колонии у него в шапке вдруг обнаружили заточку. Причем заточку, явно сделанную на станке. Леша говорит, что сам он такую сделать не смог бы. Фотографии этой заточки в деле нет.

Его посадили в ШИЗО на семь суток. Пока он был в камере, ему еще дважды давали ШИЗО. Сначала 14 суток за нарушение режима — якобы, у него не было бирки, что поздоровался, что рапорт сделал сотруднику, который входил в помещение камерного типа. Потом еще было два ШИЗО, и его отправили в ЕПКТ — единое помещение крытого типа. Так как в этой колонии такого не было, его отправили в колонию строгого режима. (В настоящее время Сутуга возвращен в колонию общего режима. — *ОВД-Инфо*)

Он же осужден на общий режим, законно ли было отправлять его в колонию строгого режима?

— К сожалению, этот вопрос поднять не удалось. Когда я приезжала, я все бумаги подготовила. Далее этим должен был заниматься местный адвокат. Мать Леши пять местных адвокатов поменяла — все оказались подментованными. Они специально тянули время, и в итоге все сроки обжалования мы пропустили. Если бы я знала, что так будет, я бы сама все подала.

До «Болотного дела» я так по колониям не каталась. Когда прошло первое «Болотное дело», я помогала подавать документы на УДО всем ребятам.

До «Болотного дела» почему-то у нас не было необходимости сопровождать заключенных практически до освобождения.

За 2015 год я побывала во многих колониях. Как только я начала ездить, появилась потребность ездить не только по политическим и правозащитным делам, но и к обычным уголовникам. Например, помогать им обжаловать дисциплинарные взыскания, составлять жалобы по медицине — на коммерческой основе.

Я была в колониях в Тульской области, в Тверской, в Пермской, в Белгородской, в Коми была. В костромской колонии я была по делу Топехина (Владимир Топехин — инвалид, находившийся в заключении по обвинению в мошенничестве; несмотря на то, что у него были парализованы ноги и рука, получил шесть лет колонии, но был освобожден после того, как Светлана Сидоркина подала жалобу в ЕСПЧ. — *ОВД-Инфо*). Много пришлось с администрацией колоний общаться — «Агора» вообще много дел по медицине ведет. Я тоже сопровождаю некоторые дела, касающиеся здоровья заключенных.

То есть если человека отправляют в колонию по политическим статьям, во ФСИН за ним автоматически включается усиленный контроль?

— Можно сделать такой вывод из анализа наших дел. Идет сопровождение. У Леши Гаскарова, у **Александра Кольченко** — я была у него в Челябинской области. Также у **Сергея Кривова**, **Леши Полиховича**, Андрея Барабанова. Когда они прибывали в колонии, за ними сразу же появлялись оперативные сотрудники ФСБ и Центра «Э», которые отслеживали условия их содержания. Эти структуры не расстаются с ними. Это накладывает отпечаток на наложение дисциплинарной ответственности, на вопросы УДО.

В отношении Леша Гаскарова, я считаю, по надуманным основаниям были дисциплинарные взыскания. Я сомневаюсь, что есть еще такие заключенные, как Леша Гаскаров, которые читают лекции по экономике, находясь в местах лишения свободы, при этом получая несколько рабочих специальностей — Леша получил специальности сварщика и электрика. Лекции он читает зекам об основах предпринимательства.

Взыскания, которые на него накладывают, доходят до абсурда: например, за то, что он сел на кровать. Последнее, которое ему объявили, — за то, что он не поздоровался.

Колония, где сидели Леша Полихович, Андрей Барабанов и **Саша Марголин** (ИК-6 Рязанской области — *ОВД-Инфо*) — я могу только петь дифирамбы этой колонии. Никаких надуманных поводов, чтобы не пускать к подзащитным, чтобы вставлять палки в колеса, под каким-то глупым предлогом привлекать к дисциплинарной ответственности, в этой колонии не было. Как ребята себя вели, как они строили свои отношения с зеками, как относились к администрации и к работе — исходя из этого складывалось и мнение об этих ребятах, все характеристики в этой колонии писались объективно. Что не могу сказать по поводу колонии в Новомосковске, где Леша Гаскаров находится, что тем более не могу сказать по поводу колонии, в которой находится Алексей Сутуга.

Географически — где-то больше плохих колоний, где-то меньше?

— От своих подзащитных — и коммерческих, и по правозащитной теме, я слышала, что в каких-то регионах сидеть плохо, в каких-то — лучше. Когда они обсуждают вопрос, куда бы они хотели, они делятся между собой этой информацией.

Какие наказания, по вашему мнению, допустимы за высказывания? Например, Стомахин суммарно получил 12 лет по всем своим приговорам. Его высказывания, конечно, очень странные, но они ничего не спровоцировали.

— Я считаю, что привлечение Бориса Стомахина к уголовной ответственности за те публикации, которые он выкладывал в сети интернет, является чрезмерно суровым. Если мы говорим, что Уголовный кодекс должен соответствовать Конституции Российской Федерации, именно отражать право на свободу выражения, свободу мнения и своих убеждений, то с этой позиции

я считаю, что лиц, которые высказывают свою позицию и свои убеждения, нельзя за это привлекать к уголовной ответственности.

На мой взгляд, это должно быть поводом для привлечения к административной ответственности, но не к уголовной. Поскольку сказанные слова имели бы конкретное значение только в том случае, если бы они повлекли какие-то действия. Но если сказанное слово не создает условий и оснований для совершения каких-то действий (против

жизни, против здоровья, против свободы), не создает общественной опасности для государства, то я полагаю, что за это нельзя привлекать к уголовной ответственности, и я более склонна к тому, чтобы это все-таки была административная ответственность. Бориса Стомахина слишком сурово наказали, поскольку он лишь говорил. Ничего не делал при этом.

Насколько, на ваш взгляд, отстаивание политической позиции на суде правильно с точки зрения защиты интересов обвиняемого, особенно в условиях, когда суд занимает обвинительную позицию?

— У нас даже среди адвокатов (участвовавших в «Болотном деле» — *ОВД-Инфо*) не было не то что единого мнения на этот счет — даже расходились точки зрения относительно публичности. Были те, кто считал, что, если бы «Болотное дело» не было настолько публичным и не настолько подвержено огласке, то, может быть, ребята не получили бы и тех сроков, которые они получили, срок наказания был бы совершенно иной. Но вот что касается Леши Гаскарова, то я считаю, что за те действия, которые он совершал, его вообще нельзя было привлекать. Поэтому и при защите Леши Гаскарова я исходила из того, что он привлекается к уголовной ответственности в рамках «Болотного дела» именно за свои убеждения. Поскольку Леша Гаскаров был весьма публичным человеком в среде анархистов, антифашистов, входил в состав Координационного совета оппозиции.

Леше вменялось два эпизода. Первый эпизод — это то, что он положил руку на плечо военнослужащему. Второй — это то, что он сотрудника полиции за ногу держал. Я считаю, что при таких обстоятельствах нельзя говорить о том, что он совершал те преступления, которые ему вменили. Да и ни у кого не вызывает на сегодняшний день сомнений в свете событий, которые уже после этого происходили, что никаких массовых беспорядков

на Болотной площади не было. А был разгон митингующих сотрудниками полиции. И линия защиты была основана на этом. Я полагаю, исходя из того, кем публично является Леша, его политический шлейф все равно сопровождал бы его в колонии, независимо от того, как бы я ни выступала в прениях в его защиту.

Что вообще можно считать по нынешним временам успехом в политических делах?

— Если говорить о коммерческих делах, то я более склонна к тому, что все доказательства лучше представлять именно на стадии предварительного следствия и на стадии предварительной проверки, которая до возбуждения уголовного дела проводится, поскольку практика такова, что, если дело дошло до суда, то суд уже априори считает, что человек фактически виновен. И доказать уже в рамках судебного следствия его невиновность будет сложно.

Что касается политических дел, тенденция на сегодняшний день складывается таким образом, что если раньше можно было говорить, что успех адвоката — наличие оправдательных приговоров (и оправдательных приговоров раньше было больше, нежели сейчас), — то, к сожалению, на сегодняшний день мы констатируем факт, что для адвоката успехом является то, что по крайней мере дали не так много, как могли бы дать.

Вы ожидали, что **Олег Сенцов и **Александр Кольченко** получат такие сроки?**

— Моему подзащитному Саше Кольченко дали 10 лет, а Олегу Сенцову дали 20 лет. Я полагаю, что такой срок был определен из-за того, что они вину не признавали, не отказались от гражданства Украины и не скрывали своих убеждений в отношении происходившего между Украиной и Россией. Поскольку Алексей Чирний и **Геннадий Афанасьев**, которые дали согласие на то, чтобы

сотрудничать со следствием и рассмотреть дело в особом порядке, получили меньший срок — 7 лет.

Мы, конечно, надеялись, что суд будет более объективен и будет принимать во внимание доводы, о которых мы говорили и на которые ссылались в рамках следствия по данному уголовному делу, но, к нашему удивлению, ни Сенцов, ни Кольченко не сомневались в том, что им дадут столько, сколько им дали, потому что они не верили в справедливость нашего суда.

Обсуждалась возможность их обмена или выдачи.

— Вопрос относительно того, как будет осуществляться обмен, на сегодняшний день так и остается открытым. Здесь может быть два варианта разрешения ситуации. Один — чисто юридический, когда вопрос решается об отбытии наказания на Украине в рамках соглашения, которое заключено между Украиной и Россией об отбытии наказания в том государстве, гражданами которого являются осужденные. В рамках именно юридического пути нами эти документы были поданы. И они на сегодняшний день являются предметом рассмотрения министерства юстиции России и министерства юстиции Украины. И второй момент, когда может быть осуществлен обмен, — это когда министерства иностранных дел обоих государств принимают решения о порядке обмена граждан своих стран в рамках именно административного ресурса, который есть у обеих стран. Как эта ситуация будет разрешена в конечном итоге, я пока не знаю, поскольку разговоры по этому поводу продолжаются.

YouTube Video: [H_6U6c94ceA](#)

Могли бы вы дать определение, что такое «политический заключенный»?

Я считаю, что к политическим заключенным можно относить тех, у кого основанием для привлечения к уголовной ответственности становятся их убеждения, взгляды, то, что они отстаивают свои права, которые регламентированы Конвенцией по правам человека и Конституцией.

Но какими критериями руководствуются те организации, которые признают политическими заключенными, — для меня вопрос остается открытым, потому что в отношении, допустим, того же Леши Гаскарова я подавала документы о том, чтобы в Amnesty International его признали узником совести. Они отказались. То есть критерии и подходы у разных правозащитных организаций разные. И поэтому я считаю, что нет какой-то общей тенденции. Мне близка в этом плане позиция Андрея Юрова (правозащитник, член президентского Совета по правам человека — *ОВД-Инфо*), которую он **высказал** на праздновании юбилея Московской Хельсинской группы. Он говорил о том, что правозащитное движение, вообще мировое, на сегодняшний день переживает кризис, и для того, чтобы

говорить о каких-то правах человека, нужно все-таки определиться, что понимается под правами человека на уровне глобальном, мировом. И что это должен быть общий критерий. И я полагаю, что когда эти критерии будут выработаны, тогда и будут единые критерии, чтобы говорить, что понимается под «политическими заключенными».

Какой совет вы бы дали начинающим адвокатам?

— В зависимости от того, какую работу они для себя выбирают. Конечно, работать по правозащитным делам — это всегда определенная степень риска, поскольку ты находишься под пристальным вниманием. Мне вот второй раз уже элетронную почту сломали. Может быть, я пароль недостаточно надежный у своего аккаунта ставлю, но факт в том, что всегда находишься под пристальным вниманием. Я предполагаю, что и телефон скорее всего прослушивается. У каждого адвоката свои подходы и цели, которые он преследует, приходя в профессию. Для меня самое главное в моей работе — помочь человеку, который нуждается в какой-либо помощи. И я считаю, что адвокат прежде всего, используя собственные знания, должен помочь человеку, который оказался в той или иной ситуации, в беде. Для меня это самый главный подход, который должен соблюдать адвокат во взаимоотношениях между клиентами и той работой, которую он делает. Прежде всего исходить именно из профессиональных качеств и руководствоваться не целью какого-то пиара, чтобы стать известным путем публикаций через средства массовой информации, а именно оказывать помощь. Ну, и основное, конечно, для меня — я считаю, что именно профессиональными качествами должен доказывать адвокат то, что он заслуживает именно такого отношения к себе. Потому что строить свои отношения на том, что о тебе написали или не написали в СМИ, я считаю, неправильно. Для меня пример адвокатов, которых

я уважаю, из тех, кто сегодня работает, — это Михаил Трепашкин, Вадим Ключевант, Виктор Паршуткин, Елена Лукьянова. Это адвокаты, которые, помогая людям, руководствуются прежде всего знанием тех законов, которые есть на сегодняшний день, тех профессиональных навыков, которые они используют, именно исходя из знаний законов.

Как вы вообще пришли в эту профессию после исторического факультета?

— Я считала, что врач, учитель — это те профессии, где люди должны работать по призванию. Я очень любила историю, когда училась в школе, и, когда стоял вопрос выбора профессии, выбрала историю. Было очень весело учиться в университете, был очень веселый факультет. И было очень интересно, потому что я училась в университете, а университетское образование отличается от педагогического — оно более универсальное. Из всех моих сокурсников в школе остались очень немногие, они работают, в основном, в силовых структурах, в тех же ФСБ и МВД. Многие уходили в обкомы, горкомы, то есть это была партийная номенклатура, на сегодняшний день они занимают большие должности и звания, чины имеют. Когда я пришла в школу работать, нас таких было четверо. Я считала, что двое работают по призванию, а я — просто так, хороший учитель. Я посчитала, что будет неправильно, если я буду занимать чужое место. А людям я помогать всегда хотела. Я и после окончания школы поступала в Казань на юридический факультет, но не прошла по конкурсу и не поступила тогда. В общем, я даже не отработала по распределению, сбежала из деревни, из сельской школы, в которую меня направили, приехала обратно в город, где училась в университете, а в это время как раз начали открываться новые вузы, и можно было получить второе образование. Я получила второе образование, одновременно работая. Потому что второе образование

уже было платное, нужно было платить деньги, родители у меня обыкновенные: папа — инженер, мама — бухгалтер, материально помогать мне никто не мог, и мне пришлось стать «работягой», чтобы оплачивать второе образование. В общем, это был долгий путь. Когда я закончила и получила юридическое образование, на работу меня никто не брал, поскольку блата не было, не было родителей, которые устроили бы меня на работу, не было стажа работы юристом. Поэтому я пришла работать в правозащитный центр республики, где я жила, в Марий Эл, — туда брали без стажа, который требовался в других организациях.

Основным критерием при приеме в Правозащитном центре Марий Эл было желание работать.

Для меня интерес был в том, чтобы получить практические навыки, которые во время учебы в вузе я получить не могла. В этом правозащитном центре работали бесплатно, помогали пожилым людям, всяким разным малоимущим.

Проработала два года юристом — дорога по правозащитной тематике, таким образом, была predetermined. А потом ребята, с которыми я работала в Правозащитном центре, создали молодежную организацию «Человек и закон», «Человек и закон» стал сотрудничать с «Агорой» в Татарстане. И поскольку у нас уже тогда был общий круг знакомых, я стала работать с «Агорой». Вот с тех пор и работаю.

Когда ты помогаешь кому-то, конечно, получаешь моральное удовлетворение. И оно перекрывает все твои материальные нужды — ведь денег много нам никто не платит, всем, кто по этой тематике работает.

Вы защищали **Таисию Осипову. Нас просили задать вопрос, как она сейчас, в каком она состоянии, как ее самочувствие? Какая атмосфера в колонии, где она отбывает наказание?**

— Тасе я помогала составлять документы и после вынесения приговора. С моей подачи подавались документы Элле Михайловне Памфиловой (бывшей уполномоченной по правам человека — *ОВД-Инфо*), которая в ее интересах обращалась в Верховный суд, но, к сожалению, кассационная инстанция в отношении нее приговор не изменила, хотя, на мой взгляд, было много процессуальных нарушений, которые давали бы повод для изменения приговора. Для меня это был очень тяжелый процесс, я считаю, что женщина не должна сидеть в тюрьме и получать такие сроки. Тем более женщина с маленьким ребенком. Дочке ее было пять лет, ее оторвали от ребенка, она лишена возможности ее воспитывать, и ко времени, когда она выйдет, девочка будет уже взрослая, и все это время она будет воспитываться без мамы. Я считаю, что это неправильно. Суд даже отказал в предоставлении отсрочки до ее 14-летнего возраста. Я считаю, что вообще все это антигуманно, и я до сих пор очень тяжело переживаю этот процесс и все события, которые произошли с Тасей. До Таси я не доехала, потому что, хотя у меня сохранились

хорошие отношения с Сергеем Фомченковым (активист «Другой России», муж Осиповой — *ОВД-Инфо*) и с ребятами из «Другой России», но, так скажем, особого желания, чтобы я к Тасе приехала в колонию, ребята не проявляли, и Тася в том числе. Не знаю, связано ли это с тем, что я поддерживаю ребят, которые отстаивают интересы Украины, но факт в том, что к Тасе я не ездила, но общалась с ней по телефону, помогала ей составлять документы. Тася все очень тяжело переживает, именно из-за того, что она лишена возможности участвовать в воспитании собственной дочери, и все ее переживания связаны именно с этим. На сегодняшний день подходит срок рассмотрения ее условно-досрочного освобождения, но, к сожалению, решения о ее условно-досрочном освобождении суд не принимает. Я надеюсь, что гуманизм все-таки восторжествует, и она будет условно-досрочно освобождена и выйдет раньше того срока, который ей назначили.

А с администрацией у нее нет проблем? Были ли взыскания?

— Взыскания у нее, насколько я знаю, были, но она строит отношения с администрацией, все-таки рассчитывая на то, что освободится и будет участвовать в воспитании дочери.

В ЕСПЧ жалобу вы не подавали?

— В отношении Таси документы в ЕСПЧ поданы были сразу после вынесения приговора. Подавала документы «Агора», адвокат Ирина Хрунова. Но приоритет делу Таси Осиповой в ЕСПЧ придан не был, поэтому рассматривается долго. Я считаю, что Тася необоснованно привлечена к уголовной ответственности, поскольку было много процессуальных нарушений, и они довольно подробно в суде первой инстанции изучались. Вы спрашивали, насколько обоснована публичная составляющая при ведении уголовного дела. Я полагаю, что Тася такой большой срок получила именно потому, что

дело было резонансным. Я полагаю, что, может быть, если бы дело Таси было менее резонансным, может быть, не было бы такого большого срока. Потому что по первому приговору ей было десять лет вынесено, а потом восемь. Всего на два года снизили, хотя прокуратура просила дать только четыре года. То есть я думаю, что именно судьи не простили того, что был отменен первый приговор. И не простили, наверное, того, что дело получило такую широкую огласку. Может быть, если бы дело Таси имело меньшую огласку, она, может быть, и получила бы меньше.

Поскольку вы уже больше десяти лет занимаетесь политическими делами, какие вы можете выявить тенденции в 2000-х и сейчас? Что ухудшилось, что улучшилось?

— В принципе, о том, чтобы что-то улучшилось, я не могу сказать. Просто сейчас все больше и больше дела этой категории зависят от того, какое, так скажем, «указание» будет дано о принятии решения того или иного уголовного дела. «Телефонное право». Конечно, прямых доказательств этому у меня нет, но дело в том, что

если раньше мы все-таки больше рассчитывали на то, что с точки зрения буквы закона что-то удастся доказать, то на сегодняшний день мы все чаще склоняемся к тому, что какая будет политическая воля по тому или иному делу, такое, собственно, будет решение принято.

А в неполитических делах? Меняется ли ситуация здесь? Вы упоминали новый закон об адвокатском запросе.

— Да, если раньше я направляла куда-либо адвокатский запрос, то на него могли не ответить. Теперь за это

вводится ответственность. На мой взгляд, если бы у нас в рамках Уголовного кодекса была одинаковая ответственность следователей, прокуроров и адвокатов за те действия, которые они совершают, была бы какая-то состязательность и равноправие в этом плане. В Уголовном кодексе Украины, например, есть уголовная ответственность прокуроров, судей, следователей за нарушение права на защиту. В Украине, когда назначается государственный защитник, то если после этого появляется защитник по соглашению, то государственный защитник автоматически сразу выходит из дела, и тут вопросов никаких не возникает. В рамках же нашего Уголовно-процессуального кодекса часто приходится сталкиваться с тенденцией, когда государственный защитник, зная о том, что есть защитник по соглашению, тем не менее, продолжает осуществлять защиту. Соответственно, и следователь может злоупотреблять правами и не несет никакой ответственности.

Бывали ли случаи, когда вы отказывались от какого-то клиента, когда вы брались за дело, а потом понимали, что человек не прав? По какому принципу вы выбираете дела? Или вам просто так везло, что не приходилось вообще отказываться от своих клиентов?

— Дело в том что в рамках Уголовно-процессуального кодекса я не могу отказаться от своего клиента, если я вступила в дело в качестве его защитника. Я могу выйти из дела, только если сам клиент от меня откажется. Но, к счастью, не случилось, чтобы я убеждала своего клиента отказаться от меня как от защитника, потому что из-за каких-либо взглядов, убеждений или отношений не хотела с ним работать.

Ещё почитать

06.03.2026 Москва

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбуждали новое дело